

КОГДА ЗРИТЕЛЬ ДОВОЛЕН

работы, той искрой, которая попала в пороховую бочку Н-ского матросского полка.

...«Дон Карлос» был партийным спектаклем в 19-м году. В годы

Г. ТОВСТОНОГОВ,
народный артист СССР

Большой Отечественной войны пели «Священную войну»; «Парень из нашего города» К. Симонова «Фронт» А. Корнейчука, «Нашествие» Л. Леонова помогали нам выиграть войну.

Театр сравнивают с кафедрой, со школой. Как всякое сравнение, его нельзя понимать буквально. Театр — кафедра и школа в очень своеобразном смысле. Театр — школа, в которой не учат в обычном смысле слова. В этой школе не задают уроков и не требуют заповинданий. В этой школе нет учеников и учителей. С высокой кафедры-сцены, вопреки школьному этикету, подсказывают зрителям ответы. И чем незаметнее эта подсказка, тем лучше «ученики»-зрители воспринимают «урок»-спектакль. Театр — школа, в которой учатся с удовольствием, не замечая этого. Как только зрители замечают, что их учат, поучают, повторяют одно и то же и давно пройденное, — такую школу просто перестают посещать.

Не потому посредственный детектив «И один в поле воин» поставлен в сотне театров, что зрители в восторге от такого искусства, а потому, что пьеса занимательна, чего, к сожалению, нельзя сказать о многих других.

Уж лучше посмотреть детектив про отважных героев войны, чем пьесу из колхозной жизни, где нет и занимательного сюжета. Ну кому охота, купив билет в театр, попасть на очередное собрание, причем собрание вялое, неинтересное? На этом собрании могут произносить весьма разумные речи и сообщать полезные истины. Но в театр ходят не только для пользы. В театре ищут и развлечение и отдых. И этого совсем не надо бояться. В настоящем театре, развлекаясь, учатся жить, а отдыхая, обогащают себя.

Театр — зрелище. Театр — праздник. Театр — развлечение. Все это верно, но в очень своеобразном смысле. На этом празднике не только смеются, но и плачут. На этом зрелище волнуются и страдают. На этом развлечении решают философские проблемы. Праздничность, зрелищность, развлекательность театра не всегда в ярких красках, звонких песнях и пестроте событий. Театр обязан быть праздником и зрелищем только в том смысле, что каждое представление должно быть увлекательным и интересным. Театр умный, но скучный — не театр. Театр, в котором только весело, — балаган.

...Фейерверк красив. Каскады Большого фонтана в Петергофе прекрасны. Разноцветные воздушные шары, танцевальная музыка и иллюминированные корабли на Неве в дни праздников веселят душу. Они нужны для полноты нашего счастья, хотя полезного и поучительного в фонтанах ничего нет.

Современный театр обязан соединить, сплавить воедино школу с праздником, мудрость с развлечением, урок со зрелищем.

С некоторыми поправками эта истина принадлежит всему искусству...

Искусство больших и горячих мыслей, искусство увлекательное и умное, красивое и веселое объединяет в одном порыве самого тонкого знатока и самого наивного зрителя. Перед большим искусством все равны, ибо оно поднимает самого маленького высоко, а самого высокого — на недосягаемую высоту. Перед маленьким искусством самый низкий зритель, ничуть не вырастая на самом деле, начинает сам себе казаться великаном. Превосходство перед ничтожными героями неумной пьесы иным образом даже удовольствие. Поэтому радоваться, потому не всегда стоит ссылаться на тиражи и суммы гонораров, на число представлений и видимость успеха. Когда зритель доволен, не всегда должны быть довольны мы, мастера искусства. Успех и неуспех — понятия относительные. Иной успех опаснее провала.

...Я думаю о зрителях, и эти думы становятся думами об искусстве. Я думаю об искусстве и вновь возвращаюсь к зрителям. Одно нельзя оторвать от другого, ибо народ и искусство не могут жить друг без друга.

бы говорят про умное, а на самом деле пичкают всех общими рассуждениями. Конечно, поступать так много проще, нежели адресоваться к людям, обладающим большими знаниями в области культуры, имеющим возможность сравнивать. Проще, но, право же, не почетнее, ибо попытки привести к общему знаменателю бесчисленное многообразие индивидуальностей, характеров неизбежно ограничивают художника, унижают и его искусство, и народ, для которого он творит.

...Да, но ведь зрители, при всем отличии одного от другого, не стовариваясь, смеются, плачут и аплодируют одновременно. Разные-то они разные, но реагируют почти одинаково.

Противоречие тут мнимое. В том и состоит сила искусства, что оно может, хотя бы на время, объединить, подчинить, заворочить самых разных людей. И направить эту силу можно и на хорошее и на дурное; она может возвысить тысячекратно массу до подвига и принизить ее до пошлости. Именно об этом мы должны думать прежде всего. Об этом и еще о том, что искусство доказывает или опровергает определенные идеи не декларациями, а художественными образами. Эмоциональное и рациональное, чувства и мысли зрителя вступают во время спектакля в сложную связь, и чем сильнее чувства, вызванные театром, тем большую пищу получают умы.

Однако мы слишком часто забываем об этом и довольствуемся механическим переносом фактов на полотно, киноленту или сценические подмостки. Стремясь поскорее рассказать о чем-либо значительном, не успев или не желая разобраться в нем, определять свое отношение к нему, мы добросовестно фиксируем случай, полагая, что отражаем жизнь. Но если даже удастся показать событие или человека так, что очевидцы происшествия удивляются — до чего все похоже, создатели такого произведения не в праве именовать его искусством. Талант требует добросовестности. Но одна добросовестность еще не талант. Регистрация фактов и художественное творчество совсем не одно и то же.

Натуралистическое, фотографическое изображение жизни, жалкая копия правды не требует ни таланта, ни вдохновения. Те, кто ведет искусство по этому пути, либо ремесленники, либо труссы. Ибо только труссы боятся высказать свою точку зрения.

«Позвольте! А как же с познавательной стороной искусства? Вы ее отрицаете?» — могут мне возразить. Нет, не отрицаю. Познавательное значение искусства велико. Но познавательность лишь обязательное условие, а не особенность или конечная цель искусства. Выразить внутренний мир, характер человека — вот цель художника. Цель искусства создавать собирательные портреты людей, общества, века...

Отличие советского искусства от искусства прошлого и от зарубежного не только в том, что мы показываем правду жизни, не только в том, что герои и события наших спектаклей невозможны в ином, не социалистическом мире. Наше искусство показывает жизнь для того, чтобы ее переделать, улучшить, изменить. Конечная цель всего советского искусства вдохновить народ на новые славные дела.

Для выражения нашей действительности нам не нужны ни розовые, ни черные очки. Утешение от мнимых радостей так же опасно, как отчаяние от мнимых трудностей. Еще А. М. Горький учил нас, что в искусстве одинаково важны правда добра и правда зла. Советские зрители знают жизнь не хуже нас. Нам есть чем гордиться и чему радоваться. Но мы также знаем, сколько еще предстоит работы, чтобы все люди были счастливы.

Хорошее искусство непременно оказывает воздействие на ум, волю и характер зрителей. Польза от него огромна, хотя и не может быть подсчитана ни в тоннах, ни в рублях, ни в километрах. Духовные ценности не имеют эквивалента.

...История знает случаи, когда горячие речи трибунов увлекали толпу на штурм тюрем и дворцов. Говорят, что «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу вызвала войну Севера и Юга. Легенда утверждает, что Великая французская революция началась сразу после премьеры «Женитьба Фигаро» Бомарше... В истории Ленинградского Государственного Большого драматического театра имени А. М. Горького записан такой факт: матросские полки — первые зрители спектакля «Дон Карлос» Ф. Шиллера, бросаясь в атаку на белоохранительской части, кричали: «Вей Альбов!» Нисколько не умаляя значения книг и спектаклей, кинофильмов или вдохновенных речей, я не разделяю честолюбивой иллюзии, что искусство вызывает войны и революции, останавливает преступления и совершает подвиги. Народ готовит к подвигу или восстанию сама жизнь. На ум, волю и чувства людей действует все — жизнь, работа, семья и школа, искусство и книги, природа и национальные традиции. Слово, спектакль, книга могут быть лишь искрой, падающей в наэлектризованную атмосферу.

Не спектакль «Дон Карлос» повел революционный русский народ на борьбу с царизмом, а долгая и упорная борьба большевистской партии. И в 1919 году «Дон Карлос» был частью этой партийной

С ПЕКТАКЛЬ окончен. Уставшие актеры снимают грим. Погасли огни прожекторов, потом люстра, потом матовые шары у фаясада. Долгий, порой мучительный, но увлекательный труд окончен.

Известный критик, надо считать, похвалил спектакль. Правда, без особого энтузиазма. Но он, как я слышал, вообще человек сдержанный. Очень крепко пожал мне руку и даже обнял главный режиссер соседнего театра, который, как я слышал, не питает ко мне особо дружеских чувств. Даже он признал победу. Искренне ли? Конечно. Я ведь сам видел, как тайком утирал слезу выродки генерал. Нет, премьера прошла отлично... Правда, меня несколько расстроил мой старый друг, на ходу бросивший мне: «Торопись. После поговорим...». Как он ни торопился, поздравить с премьерой он бы успел.

...Уже дома, ночью, я вспоминаю, что какие-то зрители, проходя в антракте после первого действия, обменялись несколькими обидными репликами: «вполне пристойно», «я ожидала большего»... Впрочем, первый акт, конечно, длинноват. Потом память подсказала перетянутую паузу во втором действии, неожиданную и ненужную реакцию зала на выпавший из рук героини пистолет, странное молчание публики на безумно смешную фразу... Может быть, победы никакой нет?... Сон окончательно покидает меня... Я вспоминаю спектакль, разговоры публики, сопоставляю все это и окончательно убеждаюсь, что мы провалились... А как же аплодисменты и поздравления? Разве они ничего не означают? И я вновь убеждаю себя, что работа не так уж плоха.

...Мои тревоги и сомнения, кажущиеся спокойствие и нетерпеливое ожидание сведений о том, покупают ли билеты, не покидают меня довольно долго...

Мои знакомые — композитор и кинорежиссер — подтрунивают над мной, хотя мои чувства знакомы им не меньше, чем мне. Очевидно, то же ощущает художник, выставивший свою новую картину, поэт, выпустивший новую книжку стихов, автор памятника, открытого всего несколько дней назад...

Понравится ли людям то, что мы сделали? Вызовет ли у них наш труд те чувства и мысли, которыми мы жили месяцы, а то и годы? И думаешь, думаешь, думаешь...

Потом как будто бы все устанавливается. По сводкам кассы я узнаю, что билеты раскупаются охотно — значит спектакль имеет успех. Я очень рад, конечно, однако сомнения не покидают меня. Ведь разве мы не знаем таких случаев, когда плохие, пошлые фильмы собирают массу зрителей, а хорошие спектакли не очень охотно посещаются ими.

Вопросы эти тревожат меня, и не только меня, давно. С горечью жаловался один из интересных режиссеров периферии, что Чехов и Горький все реже ставятся на сцене... Знакомый мне директор театра стыдливо признался, что выполнил план за счет «Люськи» Мазина — мешанской мелодрамы... Но ведь я знаю, что те же «Мещане» выдержали несколько сот представлений в Горьком, что зрители Москвы и Ленинграда охотно смотрят сложнейшие пьесы А. Миллера... Может быть, не в зрителе дело?

Ну, конечно, зрители зрителям рознь. Есть среди них и недалекие, и малокультурные, очень старые и очень молодые. Иной попал на спектакль случайно, другой — готовился к нему неделю. Один видел эту пьесу не раз и пришел сравнить молодого исполнителя с прославленным артистом, а другой впервые знакомится с театром и драматургом. Как быть? На кого ориентироваться?

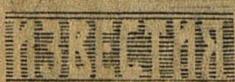
Вопросов тьма. И все они не так просты. Ведь это не ответ: «Создавайте совершенные произведения искусства, и все будет довольно». То есть это ответ, но уж очень общий. А что такое «совершенное произведение искусства»? Умудрился же некий читатель обвинить Роберта Бернса... в безнравственности. А как визжал и топал ногами на Корнея Чуковского какой-то лишенный юмора и воображения педант?

Взглянешь иногда на сводки — какие пьесы, сколько раз, в скольких театрах игрались, и не знаешь — смеяться или плакать. Почему, например, детектив «Опасная профессия» занял такое почетное место в сводке? Зрители виноваты? А, может быть, театры? Я ведь тоже не раз сожалел о погубленном вечере, глядя, как вполне хорошие актеры умудрились играть хорошую пьесу скверно, скучно, по старинке...

Нет, не только в зрителях дело, но и в нас. Как снисходительно, порой, относимся мы к явно посредственным работам тех или иных своих коллег, как легко прощаем им пошлость, спекуляцию на лучших чувствах публики. А почему мы так легко миримся с тем уроном, который наносит вкусам толк низкопробных фильмов во главе со знаменитым «Тарзаном» или «Девушкой моих грёз»? Не кроется ли в этой снисходительности некая, пусть подсознательная лажейка и для себя: если у меня вдруг что-то не выйдет, не получится, может быть, и меня не будут судить так строго?

Но что толку в неселых рассуждениях? Надо думать, как жить дальше.

За эстетическое воспитание зрителей у нас взялись всерьез, и результаты этой благородной работы уже налицо. Но худо, что зрители, их культура и вкусы растут, а представление некоторых деятелей искусства о зрителях не меняется. Они упорно работают на некоего «среднячка», которого в жизни нет и никогда не было. Однако именно в расчете на него создаются те спектакли, фильмы и книги, в которых вроде бы сложная проблема, а приглядишься к ней — никакая, в которых вроде

4
стр.

№ 35 [13581]

9 февраля 1961.